

Заглавие документа:

Василина, В.Н. Отношение речевого акта к другим элементам общения / В.Н. Василина // Язык, речь, общение в контексте диалога языков и культур: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: О.И. Уланович (отв. ред.) [и др.] – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – С. 3–10.

Авторы: Василина, Владимир Николаевич

Тема: Прагмалингвистика

Дата публикации: 2012

Издатель: Белорусский государственный университет

Аннотация: *В статье рассматривается отношение речевого акта к другим элементам общения. Согласно предложенному подходу, речевой акт является результатом комплекса целенаправленных речевых шагов коммуниканта в диалоге. Коммуникативные роли, т. е. цепочки высказываний одного коммуниканта, являются непосредственными составляющими эпизода общения.*

Дополнительная информация: УДК 80(06)

ББК 80я43

Я41

ISBN 978-985-533-016-0.

Василина В.Н.

Белорусский государственный университет, Минск

**ОТНОШЕНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА К ДРУГИМ ЭЛЕМЕНТАМ
ОБЩЕНИЯ**

Речевой акт – это элементарная значимая социально направленная единица коммуникации (мотивированной речи), содержащая какую-либо информацию. И.С. Шевченко выделяет следующие ведущие аспекты речевого акта: 1) адресантный, адресатный (интерперсональный), интенциональный, образующие антропоцентрический блок в речевом акте и описывающие коммуникантов и цели их коммуникации; 2) контекстный, ситуативный, метакоммуникативный аспекты – в этом блоке отображаются условия и способы реализации речевого акта; 3) денотативный, локутивный, иллокутивный аспекты – центральный блок в речевом акте, описывающий высказывание: его содержание, форму и

воздействующую силу, что соответствует плану содержания, плану выражения и актуализации высказывания в речи [12, с. 25].

Некоторые лингвисты полагают, что речевой акт – это не единица общения, т. е. двустороннего обмена смысловой информацией [7, с. 171]. Они считают, что речевой акт – это элементарная единица сообщения, т. е. только передачи информации в одном направлении, поскольку в речевом акте не отражается двусторонняя природа человеческого общения. С такой точкой зрения можно согласиться только при условии, если по традиции рассматривать речевой акт сам по себе, как элемент, значение которого задается только интенцией говорящего. Обычно предметом теоретического описания является речевое поведение одного из участников общения. Вариативность другой стороны в общении и условий (социальные, культурные, деятельностные) признаются, но не входят необходимым компонентом в теоретическую модель, что наиболее четко проявилось у Дж.Л. Серля, исключившего перлокуцию из числа элементов, необходимых для определения иллокутивной семантики речевого акта [11]. Однако такой подход представляется не совсем адекватным, так как функция речевого акта определяется тем, что он должен оказать определенное воздействие на адресата.

Следует отметить, что поскольку язык необходим для организации деятельности, то в ситуации общения должны участвовать не субъект речи и адресат – объект воздействия, а субъекты деятельности. Лингвистическую часть ситуации общения, которая состоит из кода (системы языка), системы определения уместности общения и выбора подходящего варианта кода (системы употребления), канала связи и, наконец, сообщения, которыми обмениваются субъекты, необходимо включить в трехчленную структуру деятельности (субъекты, сама деятельность, объекты деятельности субъектов). Причем в эту систему нужно включать не сообщение, а сообщения, так как все субъекты, включенные в ситуацию, не просто меняют роли: говорящий становится слушающим и наоборот, а являются с точки зрения общения равноправными его участниками. Следовательно, значение речевого акта, или иначе иллокутивная составляющая, должны определяться не только интенцией коммуниканта, но и тем, как должен воздействовать речевой акт на партнера по коммуникации. Поэтому оказывается, что иллокутивный аспект речевого акта должен предопределяться ожидаемым перлокутивным эффектом, т. е. тем, что инициатор общения рассчитывает получить от адресата в результате вербального взаимодействия. При таком подходе к общению инициатор при планировании задает себе не только вопрос о том, что он желает для себя, но и о том, что ему нужно сделать для своего адресата, чтобы добиться осуществления своей цели.

При таком подходе цель говорящего рассматривается не столько как коммуникативная, а как деятельностная. Это вызывает некоторые сомнения в коммуникативной природе этих целей. Но для того, чтобы

достичь цели деятельности необходима реализация коммуникативной цели.

Речевой акт является элементом языка, который можно отнести к языковому уровню воздействия. Воздействие предполагает реакцию, которая в свою очередь также становится воздействием. Результат этого взаимного воздействия – уже общение. Следовательно, характеристики речевого акта, в том числе и значение, задаются контекстом употребления, т. е. его функцией в более крупной единице.

Самой крупной единицей языка и речи, реализующей функцию общения в целом, мы признаем эпизод общения (диалог). Под *эпизодом общения* понимается определенный отрезок деятельностной ситуации, в которой используются вербальные средства, и реализуется данный речевой акт. Диалог относится к высшему уровню языка – уровню взаимодействия. Границы коммуникативного эпизода задаются его основными отличительными признаками – меной коммуникативных задач, решаемых с помощью речи, в соответствии с категориями «коммуникативная цель – коммуникативный результат» [4, с. 23]. Началом коммуникативного эпизода считается речевой акт, имеющий новое тематическое содержание. Диалогическое взаимодействие в сфере актуальной коммуникации характеризуются установкой коммуникантов на решение некоторой некоммуникативной задачи, лежащей в предметно-практической или интеллектуальной сфере. Эпизоды общения с нефатической макроинтенцией обычно заканчиваются после достижения практического или интеллектуального результата.

Для объяснения формы и значения отдельного речевого акта необходимо рассматривать его в контексте всего эпизода общения. По мнению А.А. Романова, иллокутивное действие, как способ реализации коммуникативного намерения, как инструмент воздействия, не может считаться ингерентным свойством лишь какого-то отдельного употребления речевого действия в форме репликового шага, а рассматривается в виде некоего функционального или прагматического «правила», задающего и направляющего действие (или действия) собеседников в пределах иллокутивной сферы. С этих позиций иллокутивное действие охватывает иллокутивный потенциал и иллокутивную силу речевого произведения [9].

По нашему мнению, нельзя считать исчерпывающим этапом для анализа диалога выделение диалогического единства, состоящего из двух реплик. Утверждая важность ретроспективного анализа каждой реплики, зависимость каждой последующей реплики от предшествующей реплики партнера, следует не упускать из виду стратегическую линию каждого партнера [6, с. 11]. Партнер в диалоге действительно все время идет на компромисс, строит свою реплику с учетом реплики-реакции партнера, но каждая реплика говорящего соотносится и с предшествующей репликой самого говорящего.

Помимо того, что всякая речевая реакция может быть переосмыслена партнером как стимул для нового высказывания, сам говорящий может продолжить свою предшествующую реплику, оставляя реплику партнера без внимания, или исходить не из смысла реплики, а из ее побочного содержания, пространственно-временных ситуаций, из других своих соображений. По-видимому, выделение диалогического единства на основе объединения двух пограничных реплик призвано облегчить работу исследователя по анализу диалога, но едва ли полностью соответствует специфике и сложности процесса диалогической коммуникации.

Функцией эпизода общения является организация, согласование, регуляция человеческой деятельности [2, с. 8]. Для этого участники деятельности должны оказывать влияние друг на друга. Это влияние осуществляется не одним речевым актом, а всей серией высказываний каждого из коммуникантов. Каждый речевой акт является составной частью коммуникативной стратегии одного из участников общения и тем самым соотносится с другими речевыми актами этого же человека. Этот речевой акт вступает в определенные отношения с высказыванием или высказываниями другого участника диалога. Конкретный речевой акт одного участника общения вступает в отношения с конкретными речевыми актами других коммуникантов опосредованно, как часть сопряженных коммуникативных стратегий [7, с. 193]. Речевой акт является результатом комплекса целенаправленных речевых шагов. Коммуникативные роли, т. е. цепочки высказываний одного коммуниканта, являются непосредственными составляющими (Immediate Constituents) эпизода общения.

Язык предполагает ролевую систему, задающую возможные коммуникативные и деятельностные функции участников эпизодов общения, а также стратегическую систему, определяющую спектр и последовательность коммуникативных действий участников общения. Эпизод общения характеризуется постоянной сменой коммуникативных ролей между участниками общения: каждый из них попеременно является то высказывающимся, говорящим, то воспринимающим, слушающим. Непосредственный собеседник инициатора общения является адресатом его коммуникативного намерения, т. е. предполагаемым носителем информации или субъектом желаемого действия. Образ адресата является ключевым при инициации речевого воздействия, которое обязательно предполагает информационное изменение сознания слушающего, его ответную реакцию на речевой стимул. Результат речевого взаимодействия зависит от адресата, так как осуществление его коммуникативной роли и является подтверждением готовности к общению, т. е. взаимодействию.

Признание равноправия инициатора и адресата позволяет рассматривать общение как циклический процесс, происходящий не только под действием самого общения, но под влиянием целевой установки деятельности. Это также дает возможность определять роли общающихся, исходя из цели общения.

Предполагается, что каждая речевая роль обладает генеральным (центральным) речевым актом, реализация которого в условиях уместности является целью коммуниканта, его стратегической задачей. Поскольку цель любого эпизода общения – достижение организации некоторой деятельности, то генеральный речевой акт служит устранению препятствий к достижению организации некоторой деятельности. В диалоге имеются и вспомогательные речевые акты, которые определяются тактикой коммуниканта. Речевой акт при таком подходе является элементарной единицей некоторой речевой роли и предельной составляющей (Ultimate Constituent).

Учет характеристик коммуникантов важен для успешного взаимодействия и для исследования диалога, так как любой речевой акт всегда соотнесен с личностью говорящего, или другими словами, любой диалог способствует актуализации личностных характеристик его участников, т. е. личность раскрывается в диалоге [1, с. 190]. В.В. Богданов и А.Ю. Маслова к числу человеческих факторов относят:

- 1) языковую компетенцию, т. е. знание некоторого языкового кода, с помощью которого коммуниканты обмениваются информацией;
- 2) национальную принадлежность;
- 3) социально-культурный статус (социальная принадлежность, профессия, занимаемая должность, культурные нормы и обычаи, уровень образования, место жительства, семейное положение);
- 4) биолого-физиологические данные (пол, возраст, состояние здоровья, наличие или отсутствие физических недостатков);
- 5) психологический тип (темперамент, интроверт или экстраверт, ориентация, элементы патологии);
- 6) текущее психологическое состояние (настроение, текущие знания, цели и интересы);
- 7) степень знакомства коммуникантов;
- 8) устойчивые вкусы, пристрастия и привычки;
- 9) внешний вид (одежда, манеры и т.д.) [8, с. 9].

Методика исчисления коммуникативных ролей в диалоге предложена М.К. Ветошкиной. Определение формальных параметров коммуникативных ролей основано на двух источниках. Речь идет о виде воздействия, которое необходимо оказать коммуниканту на партнера, и об условиях уместности формы выражения этого воздействия. Сами же коммуникативные роли определяются отношением коммуниканта:

- 1) к результату общения (положительное / отрицательное / безразличное);
- 2) к исполнению программируемого действия (исполнитель / посторонний, возможно исполнитель);
- 3) к инициативности (инициатор общения/адресат);
- 4) к необходимой информации (обладает информацией / не обладает);
- 5) к управлению деятельностью [5, с. 77].

Анализ исчисления коммуникативных ролей партнеров по диалогу позволяет сделать вывод о том, что семантика речевой позиции адресанта заключается в его желании привести все параметры адресата к положительным значениям; задача же адресата – помочь в этом адресанту.

Язык подчиняется законам прагматической достаточности: в ходе общения используются такие варианты, которые коммуникант полагает необходимым и достаточным для достижения своих целей [3]. Нужно отметить также, что принцип прагматической достаточности предполагает, что знак появляется тогда и только тогда, когда говорящий желает оказать некоторое воздействие на своего партнера, а слушающий ожидает какого-то воздействия. Если хотя бы одно из этих условий не соблюдается, то коммуникация либо вовсе не осуществляется, либо происходит коммуникативная ошибка [3].

Поскольку замыслы речевых партий реализуются только в интерактивном режиме взаимодействия, то речевое поведение участников диалога должно быть взаимно скоординировано. Коммуникативная координация речевого поведения участников диалога – многоаспектная характеристика согласованности их речевых поступков в интеракции и речевых партий в диалогическом взаимодействии как целом [4, с. 167]. И.Н. Борисова выделяет 6 основных аспектов взаимной ориентации речевого поведения, совокупность которых формирует коммуникативную координацию:

1) согласованность коммуникативных интенций в интеракции; в соответствии с этим критерием вопрос – ответ или отказ отвечать, просьба – согласие или несогласие выполнить ее расцениваются как согласованные коммуникативные интенции;

2) кооперативность речевого поведения; согласно этому критерию интеракции вопрос – отказ отвечать или молчание; просьба – отказ выполнить ее расцениваются как некооперативное поведение;

3) солидарность модально-оценочных смыслов, приписываемых коммуникантами речевым поступкам в интеракции; согласно этому критерию расхождение оценок одного предмета речи расценивается как несолидарная реакция;

4) унисонность тональности общения: экспрессивной окраски эмоционального отношения коммуникантов к предмету речи и друг к другу; в соответствии с этим критерием рассогласование тональной окраски речевых поступков коммуникантов (в шутку / всерьез; радостно / с грустью) рассматривается как коммуникативно-модальный диссонанс;

5) симметричность коммуникативной активности, проявляющаяся во взаимной поддержке коммуникативных инициатив; согласно этому критерию пассивность участников общения в предложении, поддержке и разработке тем, отсутствие коммуникативной инициативы и нежелание принимать

коммуникативный ход расценивается как коммуникативная незаинтересованность;

б) оценка коммуникативного результата, эффективности общения в аспекте его личностной и межличностной значимости для коммуникантов. Эта оценка варьируется в диапазоне положительный результат – нейтральный результат – отрицательный результат. При этом коммуникативный результат может реализоваться в модальной, информативной (идеальной) и практической (материальной) сферах [4, с. 167].

В современной прагмалингвистике диалогическое взаимодействие рассматривается как комплексный вид деятельности, охватывающий коммуникативно-социальную, коммуникативно-психологическую, коммуникативно-регулятивную, интерактивную деятельность партнеров [10]. В этом многообразии действий реализуется и сложный характер позиции говорящего, обладающего целым набором, репертуаром ролевых исполнений. Выбор адекватных в определенной коммуникативной ситуации речевых средств и тактики речевого поведения зависит от личности каждого конкретного коммуниканта.

Литература

1. Агапова, С.Г. Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык) / С.Г. Агапова. / Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 288 с.
2. Богушевич, Д.Г. Коммуникативная модель языка / Д.Г. Богушевич // Полилог. – 1998. – Выпуск 1. – С. 7–11.
3. Богушевич, Д.Г. Коммуникативная модель языка. Коммуникативная достаточность / Д.Г. Богушевич // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации» [Электронный ресурс]. – 2011. – № 2 (23). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/023/3_23.pdf. – Дата доступа: 15.02.2012.
4. Борисова, И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И.Н. Борисова. – 3-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 320 с.
5. Ветошкина, М.К. К вопросу об исчислении коммуникативных ролей / М.К. Ветошкина // Прагматика и логика дискурса. – Ижевск, 1991. – С. 78–84.
6. Лагутин, В.И. Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы): монография / В.И. Лагутин; отв. ред. В.И. Банару. – Кишинев: Штиинца, 1991. – 98 с.
7. Макаров, М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Маслова, А.Ю. Введение в прагмалингвистику: учеб. пособие / А.Ю. Маслова. – 3-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 152 с.
9. Романов, А.А. Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Электронный научный

журнал «Мир лингвистики и коммуникации» [Электронный ресурс]. – 2006. – № 1 (2). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/002/02_1_02.htm. – Дата доступа: 15.02.2012.

10. Романов, А.А. Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге / А.А. Романов // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации» [Электронный ресурс]. – 2009. – № 1 (14). – Режим доступа: http://tverlingua.ru/archive/014/1_romanov.pdf. – Дата доступа: 15.02.2012.

11. Серль, Дж.Р. Что такое речевой акт / Дж.Р. Серль // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва: Прогресс, 1986. – Вып. XVII: Теория речевых актов. – С. 151–169.

12. Шевченко, И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение 16 – 20 вв.: монография / И.С. Шевченко. – Харьков: Константа, 1998. – 168 с.